

Русь Изначальная

(Комментарии)

О летосчислении.

Кафизма на ипподроме.

Ипподром.

Войско и рабство.

Как таяла свобода.

О слове "варвар".

Готы.

Готы в империи.

Гунны.

Вестготы в Италии.

Остготы в Восточной империи.

Остготы завоевывают Италию.

Италия под властью готов.

Юстиниан начинает восстановление империи в былых границах.

Юстиниан продолжает восстанавливать империю.

Христианство и Русь.

-1-

О летосчислении.

Называя эпоху событий романа VI веком, датируя некоторые эпизоды годами современного счета, автор сознательно допускал неологизмы. Такой счет ничего не говорил подавляющему числу людей, даже из числа исповедующих христианскую религию. Империя вела счет по индиктам - пятнадцатилетним периодам переписи населения и связанным с переписью росписям податей. На вопрос о годе индикта иной подданный мог еще ответить, но далеко не каждый и не сразу. Сознание народных масс ориентировалось по памятным датам, по войнам, массовым бедствиям. Легко определить год империи не смог бы и книжник. Документы того времени, как и писатели, пренебрегали

хронологией; впоследствии историческая наука много потрудились над установлением дат, и все же некоторые остались спорными.

Счет нашей эры был установлен лишь в X веке. 532 году соответствуют следующие годы счислений, которыми тогда пользовались: по счету византийскому, принятому в Восточной империи, - 863 год от Александра Македонского; по римскому счету - 1285 год от основания Рима; римский счет совпадал с эллинским, который вели от первой олимпиады; по иудейскому счету, принятому христианской церковью, - 6040 год от сотворения мира; в Месопотамии - 1279 год от правления Навуходоносора; в Индии, для буддистов, последнее воплощение Будды произошло за 1095 лет до 532 года.

В Китае - Конфуций родился на 12 лет раньше Будды, а Великой Китайской стене к 532 году нашей эры исполнилось уже 745 лет. Это грандиозное оборонительное сооружение в наибольшей своей части не только не было занято войсками, но не находилось даже под наблюдением патрулей. Однако кочевники, уstraшенные каменным валом, до времени ходили за добычей охотнее на запад, защищенный лишь пустынями и горами.

Не только в областях, оказавшихся под влиянием эллино-римской культуры, но и в удаленных от нее восприятие времени, историческая перспектива были иными, чем у нас. Прошлое населялось образами, тесно наслаивающимися, как бы одновременными, ибо не было свойственного нам ощущения поступательного движения человечества, его развития, перемен.

Талантливый писатель Плутарх смело издал "сопоставительные" биографии: он брал римского деятеля и эллина, отнюдь не смущаясь, что герои избранной пары разделены несколькими столетиями. С нашей точки зрения, время динамично. Плутарх же относился к эпохам, в которые жили его герои, так же, как человек нашего дня к периоду, скажем, преобладания ящеров на Земле и к периоду их вымирания. Для Плутарха, для его современников, как и для живших позднее, Солнце всходило и заходило, раскачиваясь над извечно неподвижной Землей, подобно маятнику на постоянной оси: вперед-назад, вперед-назад. Видимое глазами человека убеждало его в

неподвижности времени.

Даже сейчас в бассейне Средиземного моря сохранилось много памятников древних культур. Качество их - техника сооружения, совершенство форм и прочее - не только не было ниже уровня VI века, но порой и превосходило его. Подобные наблюдения без формулировок, з р и м о, доказывали людям VI века, что д в и ж е н и я времени будто бы и нет. О том же говорили письменные и устные предания, большая часть которых нам неизвестна. А известные как Библия, убеждают читателя в необходимости ж д а т ь, чтобы вернуться к исходному месту - в рай с его очевидной неподвижностью законченного совершенства.

Особенно ярким свидетельством стабильности жизни служили египетские памятники, которых тогда было больше, чем теперь, и находились они в лучшем состоянии. Поступательное движение времени отвергалось и священным писанием христиан, и философией Платона. Что касается государственности, то такие ее "извечные" формы, как египетская, угасли совсем недавно. Было известно, что Египет многие века обладал всепроникающей административной системой, о какой Юстиниан мог лишь мечтать. Ведь за одиннадцать веков до Юстиниана фараон Амазис-Аагамес уже мог предписать каждому подданному под страхом смертной казни сообщить властям, на какие доходы он живет.

Христиане помнили обещания о Страшном суде, который, прекратив земную жизнь, сделает ненужной "видимую" вселенную. Иудеи уповали на Мессию, скорое пришествие которого тоже завершится покоем.

Род человеческий не чувствовал себя молодым. В Западной Европе было распространено мнение, что все ухудшается. И очень многие, наблюдая существующее, видели день вчерашний лучшим, чем текущий. Для одних в прошлом был рай, из которого само человечество изгнало себя легкомысленно-детским непослушанием богу. Для других - сиял Золотой век. Подготавливавшееся как бы планомерно убеждение в близости конца вселенной достигло кульминации в конце X века, выразившись в Западной Европе в массовом религиозном психозе: завтра Страшный суд! Причины

стойкости идеологической надстройки объясняются закоснелой неподвижностью базиса: изменялись слова, божества, но производство было по-прежнему омертвлено рабовладением. В Восточной же Европе производство находилось в руках свободных людей.

В наше время чрезмерно преувеличивается трудность былых сухопутных сообщений. Однако и в VI и в XIX веках для передвижения служили те же лошади, те же повозки. Не леса, не горы, не реки, а разница в базисах предопределяла "раздел" Европы.

Свободный труд облегчал восточным славянам и тяготевшим к ним племенам воспринимать события как материальный результат усилий человеческой воли. Отсюда следуют и такие частности, как отсутствие понятия предопределения, фатальности, и ощущение движения, переменчивости времени.

-2-

Кафизма на ипподроме.

Базилевсы были постоянными посетителями ипподрома, позволяя тем самым всем верноподданным каждодневно давить свое сознание созерцанием земного бога, Отца империи.

Кафизма входила в число зримых атрибутов величия власти. Наряду с торжественными церемониями, роскошью, обрядами кафизма давила на сознание подданных империи - вещественная и достаточно действенная пропаганда.

Изощренное титулотворчество, наука лести и преклонения перед автократором, этикет, разработку которого начал Диоклетиан, а продолжили Константин и его преемники, - все это получало в кафизме как бы архитектурное выражение. Базилевсы привыкали глядеть на подданных с высоты, другого общения не было.

Конечно, кого-то из владык, вероятно не одного, такое и стесняло, и утомляло: не так уж весело, изображая собой разукрашенную статую, постоянно взирать сверху вниз с высоты чуть ли не птичьего полета. Тем временем базилевсу, по установленному обряду, целовали ноги. Обряд сам по себе выдыхается быстро. Но базилевсу твердили, часто убедительно и умно, о высоте его разума, о совершенстве его

внутренних качеств - такое редко приедается, наоборот, развивается аппетит, чем пользуются приближенные. Мужчины и женщины уверяли базилевса в божественности его рук, ног, тела, лица, взгляда, угадывали, и не без меткости, мысли владыки, его капризы, и все раздували, кричали, трубили и полным голосом, и еще более действенным шепотом. Церковь же если не освящала все дела, то терпела их.

Докладчики старались сообщать приятное базилевсу и умели смягчать неприятное - чтоб не огорчить, но также и потому, что огорчение владыки могло больно отозваться на судьбе докладчика: бытовавшее будто бы в древности некоторых народов правило казнить гонца, приносящего дурные вести, уже давно стало басней, но поучительной. Итак, недостаток, например, денег в казне никак не мог связываться с намеком на непредусмотрительность самого базилевса, ранее приказавшего произвести бесполезные или малополезные траты; нет, такое должно было быть следствием злой воли, скарденности, себялюбия подданных, происходить из-за воровства, лености, неспособности тех или иных государственных служащих. В докладах умно и к месту приводились примеры из прошлого, свидетельствующие о том, что бывали небрежные служащие, уваливающие от своих обязанностей подданные, сановники-изменники, полководцы-предатели. Так, неудачи всякого рода вполне правдоподобно объяснялись совершенно частными субъективными причинами и легко связывались с именами тех или иных подчиненных, но никак не зависели от промахов самого базилевса или сановника-докладчика.

Юстиниан, базилевс выдающийся, понимал, что поле его обозрения сужается необходимостью видеть глазами докладчиков-сановников, и тяготился этим. Понимал он и то, что в его непосредственном окружении обязательно находились и льстецы, и хитрые, своекорыстные обманщики. Иные же, будучи какое-то время полезными, искренними, потом развращались властью, начинали слишком много мнить о себе и могли стать опасными. Много сил и времени отнимала перепроверка. За полу столетие властвования Юстиниан доказал свою бдительность своевременной сменой

сановников, из которых никто не успел причинить ему вред, если и хотел.

В такой обстановке в Палатии всегда ощущались нервность, тревога за будущее. Дворцовые перевороты, предшествовавшие и сопутствующие им интриги, заговоры создавали в дворцовой среде неуверенность каждого в завтрашнем дне - в целом же все чувствовали зыбкость бытия, неизбежность всеобщего крушения. На самом деле, уже простая отставка, не осложненная личным преследованием и конфискацией имущества, сбрасывала сановника в ряды простых смертных, прекращала его доходы и была для него тем, чем является революция для правящего класса.

Землей правят время и смерть. Время быстротечно, смерть неизбежна. Такое было очевидно для участников Палатийских игр за власть. Даже историку, удаленному многими столетиями от Юстиниановского Палатия, но вникающему в игру, кажется, что все это должно было бы завтра же рухнуть, рассыпаться, исчезнуть. Однако Восточная империя, битая, сжимаемая, разрываемая, приподнималась, срасталась. Она продержалась после Юстиниана еще почти тысячу лет как государственный организм и была, наконец, убита турками, то есть пала жертвой насильственной смерти. Замечу, что одной из причин живучести империи был ее разветвленный умелый аппарат управления.

Палатийские катаклизмы не разрушали систему общеимперского управления. Канцелярии могли действовать самостоятельно в силу вековой инерции, созданной еще Римской империей, которая вырабатывала способы объединения и нивелировки сотен племен, влитых в имперские границы. Чиновничий опыт передавался от поколения к поколению, смена готовилась в самих канцеляриях. Как столица, так и все провинции получали достаточное количество служащих всех рангов и специальностей, понимающих друг друга, обученных в одинаковых традициях, достаточно способных. Медленность связи - лошадь на суше, каботажное плавание по морям, - с неизбежными и по сезонам длительными задержками из-за погоды, развила у служащих инициативу, решимость действовать под свою личную ответственность, не ожидая указаний свыше.

Восточная империя унаследовала от Римской систему тайного наблюдения за подданными. Есть прямые указания на то, что уже при Константине Первом органы столичного управления пользовались услугами десяти тысяч секретных осведомителей. Если сохранить то же количество их для времени Юстиниана Первого, то окажется, что более трех процентов всех взрослых мужчин, или один процент всего столичного населения, считая вместе свободных и несвободных, вовлекался в работу тайного сыска. Возможно ли такое и была ли в этом нужда?

Византия, как и все столицы больших государств во все исторические эпохи, естественно, привлекала подвижных, деятельных, беспокойных людей и мнилась убежищем для любого преступника, которому легче утонуть в пестрой толпе громадного города, чем затаиться в малом. В столицах же совершается, относительно к провинциям, наибольшее число правонарушений. Уголовный розыск нуждался в тайной агентуре. Без такой же агентуры не могли обойтись налоговые управления, государственные монополии, таможни, наблюдение за тайными еретиками, поиск беглых - начиная с неоплатных должников казны и кончая рабами частных лиц.

Опасность иноземных разведок предусмотрена тем же императором Константином Первым, который издал правила приема иностранных послов. Кроме послов, были чужеземные купцы, они постоянно приезжали в Византию, жили в ней и тоже могли заниматься разведкой. Так, можно уверенно полагать, что морской набег на Византию Аскольда и Дира в 860 году был отнюдь не случайно приурочен именно к тем дням, когда базилевс Михаил Третий увел флот и войско в Малую Азию на войну с арабами. Старательно выписанные в торговых договорах империи с русскими князьями правила поведения русских купцов, прибывающих для торговли в Византию, выражают настойчивое стремление изолировать чужих, воспрепятствовать их частному общению с подданными. Заметим, что здесь видно недоверие к обеим сторонам...

Тайные службы липли и к сановникам, к полководцам, ко всем по возможности чем-то выдающимся лицам. Исторический опыт говорил о потенциальной опасности таких людей для базилевсов и делает

понятным стремление имперских властей "освещать" их намерения посредством проникновения наблюдателей в их окружение, в их личную жизнь. Кроме специализировавшихся штатных агентов, тайный сыск имел возможность достаточно надежно использовать людей, в той или иной степени зависящих от усмотрения и произвола властей: содержателей харчевен, мелких торговцев, ремесленников, содержателей игр и развлечений, публичных женщин. Расчеты с такой нештатной, но постоянной агентурой производились мелкими разовыми подачками, побрякками. В связи со всем сказанным названная выше цифра - десять тысяч агентов тайного сыска - никак не кажется чрезмерной.

Соком и цветом разветвленного древа византийской секретной службы являлся политический сыск. Но он по своим целям существенно отличался от позднейших полиций. Последние боролись с лицами, с организациями, которые хотели заменить существующий политический режим другим режимом, для чего старались распространить в народных массах свои идеи. Такого в Византии не наблюдалось.

Конечно, среди книжников-интеллектуалов, малочисленных и далеких от народных толп в силу именно своего интеллектуализма, всегда находились недовольные, любившие поговорить о демократии по древним образцам, мечтающие о переустройстве сего несправедливого, бессмысленного, жестокого мира. Тацит описал справедливый общественный уклад и высокие нравы германцев, живших за пределами Римского Мира, и вдохновил в дальнейшем Георга Вильгельма Фридриха Гегеля в мечте о Мира Германском. Но иные мыслящие сограждане Тацита с наслаждением вычитывали в тацитовской "Германии" критику, более, сатиру на Римскую империю, от чего империя ничуть не пострадала: писаное слово, пусть правдивое, не столь уж действенно, даже выходя из-под стилоса самого Тацита. Глаз современника находил острые намеки в книгах Прокопия Кесарийского, который жил в тени Юстиниана Первого. Позволяли себе вольности и другие византийские писатели. Нужно было немалое мужество, чтобы в те годы написать, например, что "базилевсы вообще не любят людей красивых, умных, красноречивых,

базилевсы опасаются таких людей". Подобное давало интеллектуальное наслаждение и, может быть, способствовало узенькому ручейку интеллектуализма не совсем иссыхать в дебрях веков, но угрозы самой системе, самому политическому режиму в этих выпадах не было. Римские императоры и византийские базилевсы иногда уничтожали писателей, что бывало результатом личного раздражения, но не страха.

Политической системе угрожали некоторые религиозные секты, такие, как донатисты, враги частной собственности, но в их действиях не было тайны, их империя подавляла вооруженной силой.

Византийский политический сыск охранял личность и власть п р а в я щ е г о базилевса, в этом была его особенность. После свержения или смены базилевса другим способом, политический сыск, так же как все остальные части имперского аппарата, безразлично подчинялся новому базилевсу и служил ему точно так же, как предыдущему, теми же приемами стараясь нащупать врагов, желающих его свергнуть, чтоб заменить другим.

При всех усилиях властей, византийцы бунтовали часто и с яростью. Сыску приходилось освещать настроение национально и социально пестрой массы столичных жителей. Взрывы мятежей зачастую происходили стихийно, то есть не были результатом заговоров, предварительной подготовки, организации. Власть старалась упростить положение, находила "зачинщиков", связывая причины бедствия с действиями злонамеренных лиц. Так было и с мятежом "Ника". Но не обязательно власть хотела обмануть самое себя. Через некоторое время после казни Ипатия и Помпея Юстиниан вернул их семьям конфискованное имущество. Это был акт своеобразной реабилитации, ибо по действовавшему в империи закону семьи государственных преступников лишались достоинства и гражданских прав.

Но то был конкретный случай, когда обстоятельства дела были известны самому базилевсу. В целом же имперские власти обманывались, не зная того. На самом деле, в областях таможенной, налоговой, уголовной, даже в более сложной - уличая иноземного лазутчика, - тайный сыск имел дело с конкретными лицами и

деяниями, и донос по необходимости проверялся в ходе следственного разбирательства. Иначе бывало с освещением намерений, мнений, убеждений. Материальные улики и свидетели отсутствовали, и профессиональному агенту каждоминутно угрожала опасность сделаться, с позволения сказать, невинной жертвой своей профессии. Ведь именно профессия заставляла агента весьма нацеленно отбирать из всего им услышанного отдельные высказывания, именно профессия вынуждала агента выискивать, подчеркивать интересное, опуская рядовое, бесцветное. Конечно, что-то может дать и случай, но нужно подталкивать случай. Вознаграждение, денежное регулярное или разовое, или в форме поблажек, вынуждало агента не праздничать - нужно обеспечивать заказчика. Подслушивал ли агент, вел ли он сам разговор, - с его стороны вызывающий, - он произвольно, бесконтрольно, зато с естественной личной заинтересованностью, вводил в последующее сообщение отдельные, вырванные из контекста фразы, чем уже искажался общий смысл. Сверх того, агент мог кое-что переиначить, домыслить за собеседника. Разумеется, и в числе встречаемых агентом людей подавляющее большинство относилось к власти пассивно, думая лишь о собственных делах. О таких не упоминалось, ибо тайный сыск не общественный опрос. Сыску нужны были враги империи, то есть базилевса, и он умел их находить.

Стекаясь в канцелярии, донесения низовых агентов превращались в сырье для обработки. Результатом являлась изложенная в той или иной форме оценка, пользуясь современной фразеологией, политико-морального состояния столицы, армии, империи, наконец. А так как воплощением империи был базилевс, зримо утверждающий этот факт с высоты кафизмы, то помянутая выше оценка давала меру отношения подданных к данному базилевсу.

Естественно, более того, фатально оценки кренились в худшую сторону. Столица мнилась готовой к восстанию, заговорщики кишели, о диадеме базилевса мечтали многие, в среде сановников велись опасно двусмысленные беседы и так далее.

Конечно, во главе секретных служб и на ее решающих звеньях оказывались порой люди опытные, уравновешенные, ценящие донос по достоинству. Такие умели вносить в неизбежно мрачную картину

трезвые поправки. Но и тогда сильная, хорошо организованная система тайного наблюдения способствовала поддержке в Палатии атмосферы нервозности, страха; психология островитян, чье убежище готовятся смыть волны бури, которая уже бушует за горизонтом.

-3-

Ипподром.

Арена староримского цирка была свободна. Середину овальной арены византийского ипподрома, где главным развлечением были бега, естественно заняло длинное возвышение, которое огибали соревнующиеся... Хребет арены - великолепное выражение того времени - был украшен статуями и редкостями. Среди них наиболее замечателен жертвенник, взятый из храма Оракула - Аполлона Дельфийского.

Ровно за 1001 год до мятежа ополчение союза эллинских городов, сражаясь под командой стратегов Аристида и Павзания, разбило под Платеей вторгшихся в Элладу персов. В память о победе на деньги тридцати шести городов-республик был поднесен подарок Оракулу - золотой жертвенник на опоре из бронзовых змей. Через двести лет в Элладу ворвались галлы. Дельфы под Парнасом были захвачены, но ни храм Оракула, ни жертвенник, ни прочие ценности Аполлона не пострадали. Интересное и значительное обстоятельство: "варвары" сочли ниже своего достоинства грабить святыни врага. До последнего времени в Стамбуле из земли, похоронившей хребет арены, торчала безголовая бронзовая спираль. Судьба самого жертвенника неизвестна.

-4-

Войско и рабство.

Вопреки разнице в анатомическом строении эллины и римляне перенесли ярмо, почти его не изменяя, с плеч и подгрудка быка на шею лошади. Неподходящая упряжь душила коня. Поэтому появились парные и четверные упряжки-квадриги. Даже в стеснительной упряжи лошади могли быстро везти легкую повозку с возницей и хозяином по отлично гладким имперским дорогам. Но тяжелые грузы перемещались

на волах. Скоропортящиеся продукты, например морскую рыбу из Остии в Рим, доставляли рабы-носильщики.

В походе легионер тащил на себе свыше 40 килограммов оружия, продовольствия, снаряжения, лагерного оборудования. Для своих солдат у римлян было дружески-насмешливое прозвище: мулы или варикозусы, то есть страдающие расширением вен. Армейский транспорт ограничивался одним, много двумя четвероногими мулами на центурию. Суточный переход пехоты ограничивался 16 километрами. Если эта норма превышалась в течение нескольких дней, говорили: "Летят, как на крыльях".

Война на суше, война на море - быт прошлого. Но ничто не изменялось в военной технике: ни качество металла, ни способы изготовления оружия, ни само оружие. Более того, наблюдался регресс. Еще в VI веке жители Рима хранили древний деревянный корабль, считая его принадлежавшим Энею-троянцу. Современник, человек опытный в мореплавании и в военном деле, описывает корабль Энея как чудо: "Все части цельные, из одного материала. Может быть, природа сама согнула эти деревья, или выпуклость балок была приведена к нужной форме искусством людей, или - другим способом (!)". Дело в том, что в те времена средиземноморские кораблестроители разучились распаривать и выгибать части для шпангоута. Византийцы строили корабли размером больше Колумбовых, но шпангоуты собирались из косяков, сколоченных гвоздями, поэтому непрочные корпуса судов легко ломались.

И упряжке лошадей, и кораблестроению, и многому другому империя могла бы поучиться у варваров. Но с косностью, о причинах которой чуть ниже, и эллины, и римляне, и византийцы умели не видеть технику. Это продолжалось веками. Построенные математиком-философом Архимедом особые машины сделали неприступным сицилийский город Сиракузы, павший по оплошности осажденных. Солдаты и полководцы первой римской армии, ничего не позаимствовав, уничтожили машины, как обиженные мальчишки.

За тысячелетие было сделано только два капитальных военных открытия. В IV веке до н. э. в Македонии было создано боевое подразделение - фаланга-паук. Тогда же Рим усовершенствовал свой

легион. Это было результатом развития плоскостной геометрии, примененной в военном деле.

Отныне стратег был обязан принудить противника к бою на относительно гладком поле, где, осуществляя единство удара во всех направлениях, фаланга или легион сломают любое войско. Так, солдаты Александра Македонского неизменно успешно встречались с войсками, превосходящими их численно во много раз. Это не помешало большинству из тридцати пяти тысяч молодых людей, отправившихся с Александром на завоевание Индии, дожить до старости в строю фаланги.

То были победы воинского порядка над ополченческим беспорядком, но не бойца над бойцом, торжество выучки каждого солдата и общей организации военного строя, но не личной доблести или физической силы бойцов. Под Гергovieй галлы внезапно бросились на один из легионов Юлия Цезаря, не успевший построиться. В коротенькой схватке пало только убитыми 46 командующих и 700 легионеров - потери весьма тяжкие по тому времени. Через пятьдесят лет полководец Вар погубил целиком три легиона (целую армию!), легкомысленно подставив их под удар херусков на марше по узким тропам Тевтобургского леса, где было невозможно боевое построение. Здесь не место искать эпоху, когда в империи военное искусство прошло свою кульминацию. Во всяком случае, к VI веку оно заметно упало. Не полагаясь на собственное войско, обученное по старым нормам, империя все шире прибегает к найму варваров. Из них составляются и отдельные подразделения, целиком укомплектованные наемниками-профессионалами. Они привлекаются и как отряды "союзников", под командой племенных вождей. В бою они пользуются с а м о б ы т н ы м и приемами. Имперские начальники лишь координируют их действия в составе армии, не вмешиваясь ни в боевую подготовку, ни во внутреннее управление.

В чем причина не только застоя, но и упадка военного дела? Аристотель, определив человека как существо мыслящее, замкнул творчество в размышлениях-словах. Платон относился с презрением к любому физическому труду, а в рабе видел низшее существо. Отнюдь не благословив труд - наказание за первородный грех, христианская

церковь обещала как награду избранным освобождение от бремени труда в раю; а рабство церковь признала естественным состоянием для тех, кого светская власть лишила свободы.

Принудительный труд разлучил мозг человека с его агентом - рукой. Организаторы труда - надсмотрщики были не мастерами-десятьниками наших лет, но консервативными, невежественными погонялами-истязателями. Так душилась сама возможность развития какой-либо техники, в том числе и военной.

В свое время македонская фаланга и римский легион формировались из свободных людей, умевших также и р а б о т а т ь, способных с охотой отдаваться тяжелому, сложному многогодичному обучению. При своем рождении совершенная боевая машина была одухотворена содержанием. Впоследствии в Риме не только разрастается рабство как результат тех же побед, но и вообще тают гражданские свободы. Нет более свободного римского земледельца-квирита, и от легиона остается хрупкая внешность.

-5-

Как таяла свобода.

Начиная с XV-XVI веков европейцы привыкают отмечать высокую культуру Греции и Рима в области скульптуры, архитектуры, слова, философии. Однако же народные массы взаимодействуют с государством не через искусство и сочинения философов.

Легко уличить и языческую и христианскую империю в одинаковой тщательности истребления непокорных, всяких явных и тайных мятежников. Пусть многое и осталось до сих пор мало отмеченным, все же исторические картины яркие и образы впечатляющие: смерть в схватках, на баррикадах, на плахе даже, эффектнее медленного угасания от дистрофии.

Более действенная, куда более истребительная война империи с подданными происходила без свидетелей, в густом тумане законов, временных указаний, разъяснений, дополнений, тысячу раз измеренных, тысячу раз преломленных через произвол, личную выгоду, личные свойства законодателей и исполнителей. Эта война была полна недозволенных приемов и развращала обе стороны

расхождением между словом и делом, растлевающей ложью хроник, клятвопреступлением, бесстыдством манифестов и всеми видами обманов, которые можно назвать профессиональными. В итоге расширилось р а б с т в о.

Результатом бесправия было и другое злое явление - падение числа подданных, замеченное еще при первом императоре, Октавиане Августе. Изобретались "решительные мероприятия", но подданные все более стремились к безбрачию - не к воздержанию. "Убыль" подданных продолжалась и в христианской империи. Государство же, стараясь сохранить свои доходы, еще туже затягивало петлю податей. Так называемый "свободный" подданный, земледелец, ремесленник, лично заинтересованный в увеличении выпуска своей продукции, но опутанный сетями налоговых обязательств, обремененный недоимками и связанный с ними ограничениями в правах, все менее отличался от раба и все более работал по-рабски. Подданные не годились ни в легионеры, ни в работники. Снижалась производительность труда, падало качество. В годы правления Юстиниана явления регресса имперской экономики проявились во всей яркости.

-6-

О слове "варвар".

Приобретая гораздо позднее оскорбительное значение, вначале оно обозначало "неэллин, неримлянин". Принято считать, что "варвар" буквально: "бородатый". Однако в эпоху Перикла, когда складывался греческий язык, эллины сами носили бороды, и борода не могла служить отличительным признаком иностранца. Высказывают предположение, что "варвар" значит "подбритый", лингвистически: от "брадобрей", а не от "борода". Поиск истинного корня не имел бы интереса, если бы современная археология не разрушила ранее бытовавшего мнения о низком уровне материальной культуры Северо-Восточной Европы. Ее обитатели владели хорошей сталью и могли бриться. Во времена Гомера Северо-Восточная Европа называлась Великой Фракией. Фракийцам-неэллинам посвящена строка в "Илиаде" Гомера: "Фракийцы с чубом на голове наставили длинные копы".

-7-

Готы.

По данным византийских источников, готы во II веке н. э. обитали в степной и лесостепной полосе к северу от Черного моря. Историки делили готов на восточных (остготов) и западных (вестготов), последние были ближе к Дунаю. В середине II века вестготы нанесли поражение имперским войскам. В середине следующего, IV столетия, гунны начали двигаться с востока на запад. Какое-то количество восточных готов, вероятно, пристало к гуннам. Остальные отходили к Дунаю, куда уже жались вестготы. Базилевс соглашался принять вестготов на правах федератов (союзников), но переговоры затянулись. Империю тревожила численность готов, около миллиона, в том числе тысяч двести боеспособных мужчин.

Отдельные роды, входившие в племенное объединение, пытались самочинно переправляться через Дунай. Их отбросили после кровавых стычек. По заключении договора обиды могли бы и забыться. Но имперские сановники наживались на продовольствии, назначенном для новых союзников как вспоможение на устройство. Доведенные до отчаяния, готы нападали на склады, на старожилы. Для усмирения пришлось снять часть пограничных войск. Остготы, не включенные в договор, воспользовались ослаблением охраны на Дунае и тоже переправились в империю. Вождей готов заманили якобы для переговоров и перебили, дабы "обезглавить" варваров. Готы все же организовались. В 378 году под Адрианополем они разбивают имперскую армию. Базилевс Валент пал в битве.

Указанная выше численность вестготов - около одного миллиона, в том числе двести тысяч боеспособных мужчин, - принята историками и входит в труды большей части ученых на основании показаний византийских источников. Существует и критика источников, довольно убедительно снижающая данные в них цифры в несколько раз. Так, например, по описаниям современников император Валент увидел под Адрианополем лагерь готов, замкнутый укреплением из тесно составленных телег. Критика источников указывает, что десятки тысяч телег, составляющие обоз стотысячного войска, не могут быть

расставлены в виде круговой стены, ибо для такого громадного укрепления попросту нет удобного места. Должно было быть или несколько лагерей, устроенных из телег, или один - но тогда и войска, и телег не могло быть так много. Так же и движение походной колонны в сто тысяч готов со своевременным сбором под Адрианополем совершенно не вяжется с возможностями времени и места. Для организации такого марша нужны опытные генштабисты и интенданты, хорошо оснащенные средствами связи, управления и транспорта. Император Валент располагал в лучшем для него случае тридцатью тысячами войск. С запада на помощь Валенту шел с армией его племянник Гонорий. Валент мог бы дождаться Гонория. Критика считает невероятным, чтобы Валент развязал сражение в условиях трех-четырёхкратного численного превосходства готов, и находит, что армия Валента скорее превосходила числом силы готов.

Автор не нашел удобным вносить в роман критику. Автор стремился отразить дух эпохи, то есть ощущение жителей империи во время нашествия варваров: через границы переливались бурные волны, и если воображение преувеличивало высоту волн, то не следует винить современников - и сам факт наводнения, и его бедственные последствия остаются реальностью.

В пользу критики, снижающей принятую большинством историков численность готов, говорит их поведение после разгрома армии империи под Адрианополем и гибели императора Валента. Тут со всей очевидностью выяснилось, что готы не задавались целью завоевания империи, они защищали справедливость так, как они ее понимали. Поэтому преемник Валента Феодосий договорился с готами о мире на первоначальных условиях. Готы получали вспоможение и мирно усаживались на отводимых им землях.

-8-

Готы в империи.

Очень быстро готы оказались и в армии, и на государственной службе. Гот Гаина получил высшее воинское звание главнокомандующего Востока, гот Аларих - главнокомандующего провинции Иллирик, гот Стилихон - главнокомандующего Италии.

Готское сделалось модным. Византийские щеголи персидской хной красили волосы в огненно-рыжий цвет, носили, чтобы походить на готов, штаны и хитоны "готского покроя".

Империя содержала около 70 мириадов - 700 тысяч войск. Старые подданные составляли не более 15 мириадов в рядах армии. Остальные же были либо наемниками из числа варваров, либо союзниками - племенными отрядами федератов под командой родовых вождей. На время Византия пополнила недостаток населения. Во имя этого можно забыть язычество одних готов и арианский схизматизм других.

Современники называли готов не германцами, но скифами. Римляне старого закала били в набат. Сохранилось интересное воззвание Синезия, епископа Птолемаиды: "Есть страшные предвестники. От зловредных примесей империя больна. Прежде нанятия скифов на военную службу следует набрать своих, кто занимается земледелием, извлечь философа от книг, ремесленника из мастерской, торговца с рынка и тех из праздного демоса, кто предпочли всему зрелища театров. Мы отдаем чужеземцам дела, свойственные мужчинам. По моему, и выиграй они битву, нам будет стыдно пользоваться плодами. По малейшей причине они сделаются нашими владыками, ибо мы, не имея искусства военного дела, не сумеем сражаться с чужеродным войском. Нужно, не медля временем, очистить дворцы и сенат от диких скифов. Они же повсюду. В каждом доме мы видим скифа-раба, ибо они самой судьбой обречены быть подножием римлян. Но каждый раб есть враг своего господина. Сегодня, на наше несчастье, нашлись и полководцы и легионы, единокровные нашим рабам. Стоит им пожелать, и к ним пристанут рабы. Тогда они все вместе вволю потешатся над римлянами. Итак, должно уничтожить эту опасную для римлян защиту, устранить эту болезнь прежде, чем раскроется нарыв..."

Преосвященный Синезий был чрезмерно тонким наблюдателем. Готы не собирались захватывать империю. Но "по малейшей причине", пользуясь языком Синезия, могла произойти и катастрофа. О применении силы не приходилось и думать. Наиболее агрессивны были вестготы. Византийская дипломатия добилась их перемещения в

Элладу. Восточная империя безжалостно пожертвовала этой провинцией по двум причинам: ее малопродуктивности и ее удаленности от столицы. Кроме того, Эллада была нелюбима - по подозрению в скрытой приверженности к язычеству. Рекс готов Аларих подверг Элладу разграблению и увел оттуда такие толпы пленников, что многие историки в дальнейшем сочли, будто в те годы Эллада потеряла все коренное население.

Затем Алариха назначили дуком - правителем провинции Иллирик, сопредельной с Западной империей. Иначе говоря, византийская дипломатия вела вестготов в Италию.

Наполеон I, прибыв в армию в 1796 году, воодушевил оборванных и голодных солдат видениями "богатства и славы, которые ждут в плодороднейших долинах Италии". Таковы были аргументы и византийских дипломатов в последние годы IV века; приблизительно столько же переходов было до "плодороднейших" долин в от альпийских перевалов и от Иллирика.

В 400 году рекс Аларих, присоединив к своим вестготам родственные племена, осевшие в соседней с Иллириком Паннонии, вторгся в Италию. Но в этом году Восточной империи не довелось избавиться от вестготов.

Италийская армия под командой Стилихона заставила Алариха отступить. В следующем году Аларих терпит вторую неудачу. Еще через год панновские готы самостоятельно входят в Италию и подвергаются разгрому. С Аларихом же Стилихон заключает мир ценой обещания ежегодного "подарка" - сорока одного кентинария золотых монет - несколько больше ста пудов. Не удается византийским дипломатам избавиться от вестготов. Интрига перебрасывается в Италию. Договор с Аларихом представлен как позорный для Западной империи. Нашептывают об измене Стилихона. Слабый умом и волей император Гонорий прибегает к приему, обычному для ничтожеств. Стилихона предательски убивают, Алариху посылают "гордый отказ". Аларих вторгается в Италию, проходит мимо неприступной столицы Равенны, где сидит император. Зимой 408 года Аларих подступает к Риму и берет громадный выкуп. От равеннского императора Аларих требует узаконения завоевания: для себя

освобожденные Стилихоном титул и власть главнокомандующего, для своих готов - земельные участки по праву завоевания. Переговоры затянулись. Раздраженный Аларих в 410 году берет Рим, грабит Вечный Город. Отойдя в Кампанию, Аларих умирает от болезни тридцати четырех лет от роду. Первый варвар, который доказал химеричность Западной империи, был погребен на дне какой-то реки. Отведенную на время воду опять пустили, и тайна могилы Алариха не раскрыта и поныне.

-9-

Гунны.

Еще не входя в непосредственное соприкосновение с Восточной и Западной частями империи, гунны уже были причиной описанных выше событий. Кем были гунны, откуда они пришли? Высказывалось много интересных предположений. Но неизвестно, на каком языке говорили гунны, как они сами себя называли. Очевидно, гунны были ядром, которое легко обрастало другими племенами в силу общности жизненного уклада. Эта подвижная, многоплеменная, исторически "случайная" организация была чужда какой-либо религиозной, тем более расовой нетерпимости. Источники, принадлежа перу подданных империи, склонны чернить гуннов до нелепости.

Например, гунны "носят одежду из крысиных шкур". На самом деле "крысы" были кротами или сурками, чей мех ценится и ныне. Вопреки пристрастию иные авторы-современники сообщают о справедливости гуннских судей, о неподкупности правящих, о легкости налогов. Отдав долг обязательной агитации, такие авторы с завистью глядели на гуннские порядки.

Слухи о гуннах опередили их появление почти на столетие. В 441 году конные разведывательные отряды гуннов прорываются в Месопотамию, Армению, Сирию, появляются во Фракии, Македонии и Иллирике. И вновь Византия не оказалась целью новых пришельцев. Византия покупает мир с гуннами ценой ежегодной дани в двадцать один кентинарий золота. В 451 году вождь гуннов Атила после неудачи на Каталаунских полях возвращается в свою столицу на реке Тиссе, близ нынешнего Токая (Венгрия) и вскоре умирает.

Случайная империя гуннов рассыпается, племя исчезает в тумане изменчивых названий и самоназваний. Остались странные созвучия между некоторыми военными терминами современного французского языка и корнями монгольских слов. Так, французское *armee* (армия, войско) схоже с монгольским "урма", "урмас" (сила, храбрость). Слово *brigade* (бригада) напоминает "бриге" (соединение). *Soldat* (солдат) кажется сложенным из двух монгольских корней - "сульде" (значок военачальника) и "атык" (воин). В глаголе *guerroyer* (воевать) звучит "киараху" (убивать, проливать кровь).

-10-

Вестготы в Италии.

Преимники Алариха сохранили в Италии видимость империи. Случайные ставленники вестготов носили эфемерную корону. Последний "император", сын римлянина Ореста, бывшего секретаря Атиллы, как бы в насмешку носил двойное имя Ромул-Августул. Он жил в заточении, получая содержание от рекса Италии Одоакра.

Часть вестготов овладела Испанией. Оставшиеся в Италии получили по праву завоевания земельные угодья - третью долю участков, инвентаря, рабов коренных владельцев. От этого пострадали собственники, от патрикия до колона. Однако потеря части капитала как бы возмещалась исчезновением принудительных поставок и общим облегчением налогов. Отпали взятки, вымогательства и произвол имперской системы.

За годы вынужденных кочевок готы утратили племенную традицию лично-общественной обработки земли. В Италии новые хозяева ничего не хотели и не умели изменить. Они превратили свои трети в ренту. Для завоевателей началась райская жизнь, они не сеяли, не жали. Подобно птицам небесным, они только развлекались. Тот из них, кто тщеславился зваться римлянином, был прав. Византийская интрига навязала готам завоевание Италии. Вестготы, как в веках не чищенном стойле, отравлялись сепсисом внутреннего распада.

Изъятием третьей доли земельных владений ограничилось вмешательство вестготов во внутренние дела Италии. Ограбленный Рим возродился. Он был духовной столицей, как резиденция папы.

Остготы в Восточной империи.

Византия рассталась с вестготами, но остготы в ней остались. Вопреки яркой нетерпимости в делах вероисповедных империя остерегалась задевать совесть своих "арианствующих" федератов. В столице остготы содержали собственное духовенство, храмы, кладбища. В 450 году могущественная готская семья Аспаров поставила базилевсом Маркиана, а сами Аспары стали наследственными главнокомандующими Востока, то есть первыми маршалами, верховными генералиссимусами Восточной империи. Из рук Аспаров вышел и преемник Маркиана - Лев Первый. Лев выдал дочь за Зенона Исаврянина, и зять базилевса привлек в Византию своих соотечественников, воинственных горцев малоазийского Тавра. В 471 году Лев и Зенон устроили в Византии ночную бойню готов, одну из предшественниц сицилийских вечеров, варфоломеевских и прочих ночей. К базилевсу Льву прочно прилипло не слишком приятное прозвище Мясника: византийский демос, видимо, иначе относился к погибшим готам, чем Палатий. Так или иначе, влияние готов было обезглавлено. Как бы исполняя заветы Синезия, Лев Мясник пополнял армию подданными, в сенате не стало готов.

Но в Восточной империи они оставались, сильные, организованные. Они признавали главенство правящего рода Амалов, получавших жалованные деньги и зерно на кормление дружин. Долины Паннонии, выбитые войнами, как хлебный ток, опустытели колонистам.

Византия оглядывалась с опаской на сильных, беспокойных федератов. В 461 году базилевс Лев взял в заложники молодого Амала Феодориха. Вскоре после избиения Аспаров Феодорих был отпущен к своим.

Феодорих получил образование и за 10 лет жизни в Палатии лично не был чем-либо обижен. Его даже не обратили в кафоличество - он остался арианином. Через Феодориха Византия хотела внести разлад в среду остготов.

Были даны обещания и получены уверения. Политики старались бороться с действительностью хитросплетением вымыслов и звоном

клятв. Ничто не могло удержать палатийского выученика в безнадежно нищей Паннонии. Остготы самовольно передвинулись в Македонию. Новое соглашение - Византия признала за Феодорихом право на Македонию, впрочем тоже высосанную войнами. Феодориху подарили высшее воинское звание - отныне он главнокомандующий Востока. Мятеж Василиска был укрощен Феодорихом, и Зенон усыновил вождя готов. Это не было актом сердечной благодарности. Базилевс Зенон разумно хотел привязать к себе и к империи незаурядного вождя опасных союзников.

Не просто складывались отношения духовных отца и сына. В год 486-й, и так обремененный для империи войной с персами, Феодорих подступил к стенам Второго Рима. Готы у ворот! Как быть? От Алариха избавились, натравив его на западную сестру Восточной империи. Так пусть же теперь туда отправляется и Феодорих со своими готами. Пусть одни варвары истребляют других. Чем будет хуже им, тем лучше. Византия успеет выступить в роли сильнейшего. Феодориху, любимому в духе сыну базилевса Зенона, поручено восстановить единство империи.

-12-

Остготы завоевывают Италию.

Медленно, медленно народ-войско переливался через нынешнюю Болгарию к Сирмиуму-Стрему. На авангард напали гепиды, их разбили, их лагерь был захвачен, была взята добыча. Об этом сражении задние узнали через много дней. Готы перемещались долиной Савы - реки необходимы для водопоев - через Сисак, Загреб, Любляны. Вверх, вверх, через горные перевалы на юг, на юго-запад, на запад по торной дороге в Аквилею, Город Орлов, разрушенный во времена Аттилы и никогда не воскресший.

Неторопливое движение, со многими дневками, со многими неделями, потерянными из-за плохой погоды. Жизнь людей летела, события ползли. Боевая встреча с Одоакром произошла только в конце августа следующего года. После двух сокрушительных поражений - вестготы расплатились за

римскую негу монетой собственной крови - Одоакр заперся в Равенне.

Терпения осажденных и осаждающих хватило на три года. Сдавшийся на слово Одоакр был убит.

За время осады Равенны вся Италия признала власть Феодориха. Зенон же окончил свои дни, не дождавшись объединения империи. Его преемник Анастасий медлил в поисках решения. Кем быть Феодориху? Правителем Италии в ранге главнокомандующего Запада? Или в ранге наместника? Лучше бы и Феодориху и готам совсем не быть! К сожалению, один зверь, перегрызая глотку другому, сам остался цел. Пока Византия размышляла, готы объявили Феодориха королем-рексом Италии. Сорвалось задуманное Зеноном объединение империи в пределах Августа Октавиана.

-13-

Италия под властью готов.

Трезво примирившись с действительностью, базилевс Анастасий прислал Феодориху императорские облачения и регалии. Это было и дружественным жестом и признанием. В ответ рекс Феодорих заявил, что готы ограничатся охраной Италии от внешних врагов. Римлянин Кассиодор, образованный человек, сенатор, стал первым министром. Восстанавливались дороги, мосты, городские стены. Остготы унаследовали надельные земли тех вестготов, которые ушли из Италии или погибли.

Завоеватели кормились со своих участков и были обязаны военной службой. Положение италийцев, облегчившееся при вестготах, продолжало улучшаться. Благосостояние Италии поднималось.

Рекс-арианин, наглядевшись на губительные результаты византийских споров о вере, оказывал терпимость всем вероисповеданиям. Особым эдиктом Феодорих указал: "Я не могу приказывать в делах веры. Насилием нельзя принудить верить так или иначе".

Центром жизни Италии оставался Рим, папский престол - оплот католичества и первый город по числу обитателей. Италийцы-католики за терпимость платили арианам-готам возрастающей нетерпимостью.

Готы разместились преимущественно в Северной и Средней Италии, сохранив столицу в Равенне. По многим данным, среди готов было

двести тысяч мужчин, способных носить оружие. По другим данным - тысяч пятьдесят.

Но даже и в последнем случае это количество весьма внушительно для своего времени, если вспомнить, что в годы правления императора Диоклетиана вся Италия могла дать не более пятидесяти тысяч легионеров.

Осев в Италии, остготы, так же как их предшественники вестготы, с опасной для себя быстротой претворялись в класс господ. Однако только сохранение силы могло бы позволить готам дожидаться слияния с коренным населением и образовать национальное единство, как позже это удалось нормандцам-французам, завоевавшим нынешнюю Великобританию, населенную англосаксами.

-14-

Юстиниан начинает восстановление империи в былых границах.

В начале V века вандалы завоевали бывшие имперские владения в Северо-Западной Африке и основали свое государство со столицей в Карфагене. Базилевс Юстиниан послал против вандалов армию под командой Велизария. Феодорих сумел бы насторожиться, когда византийский флот в составе пятисот тяжелых кораблей под охраной девяноста двух галер подошел к Сицилии. Но Феодорих умер в 526 году. С ним угас политический гений готы.

Регентша Италии Амалазунта, дочь Феодориха, щедро снабдила флот своего друга Юстиниана продовольствием и лошадьми для конницы. Ничто не разбудило сонный покой Карфагена вандалского. Никто не заметил византийский флот на длинном пути через пять морей, во время долгой стоянки в Сицилии. Ромеи пали на берег Африки как туча саранчи, принесенная ураганом. Вандалы были побеждены не только силой оружия, из-за растерянности они сами теряли возможности победы. Обнаружилось, что один из самых деятельных народов-воинов уже превращен в ничтожество негой среди роскоши.

Юстиниан отметил свой успех манифестом: "Бог наградил меня милостью, дав мне возвратить империи одну из староримских провинций и уничтожить народ вандалов, чтобы установить единство религии".

Вандалы утонули, как пепел в океане. Ни одного памятника, ни одной могилы. Ни намек на язык, которым они пользовались. Собственно, к какому племени они принадлежали? Это тайна мертвого тела, брошенного без погребения.

В Карфагене и в других вандальских городах Византии досталась грандиозная добыча золотом, камнями, серебром. Это была кочующая казна, собранная многими, кто всегда сох по золоту. Вандалы, в дни своей силы грабя Италию, Рим, Элладу, хватали у тех, кто прежде грабил сам. Теперь византийцы взяли вещи, побывавшие в Риме, награбленные Титом в Иерусалиме, остатки драгоценностей Митридата, владетелей Пергама, Пальмиры; нечто и более древнее, как сокровища перса Дария и владык долины Инда, завоеванные фалангой Александра, а потом захваченные римлянами в хранилищах последнего владыки Македония Персея.

Многое было расхвачено войском. Велитарий после вандальского похода сделался самым богатым человеком на берегах Теплых морей. Так ли, иначе ли, но золото продолжало свой путь. Оно мягко, монеты истираются в кошельках и ладонях, драгоценности - прикосновением тела. Все же и сегодня доля древнего золота еще таится в какой-нибудь брошке, в колечке, в браслете. Оно побывало у тирских и сидонских купцов, в сумке ассирийского воина с завитой бородой, обрабатывалось тощим египетским ювелиром и бородатым эллинским златокузнецом, современником Перикла, Ликурга. Оно побывало на лодыжке танцовщицы индийского храма. Или, еще дальше, в темной глубине времени, оно украшало уши или запястья пелазга, строившего стены из едва отесанных камней на берегах будущей Эллады задолго до появления эллинов, которые пришли к Теплым морям неизвестно откуда.

Изредка что-то из древнейших драгоценностей неожиданно появляется на поверхности наших дней, в XX веке. Во время второй мировой войны Хайле Селласие, император захваченной войсками Муссолини Эфиопии, находился в Англии, которая дала ему политическое убежище. Однажды, нуждаясь в деньгах, император хотел получить ссуду, предложив в залог одну из драгоценностей эфиопской короны - массивное блюдо из Иерусалимского храма.

Но обнаружилось, что этот предмет был изготовлен из свинца, обложенного золотом.

Нет достоверных сведений о путях, которыми некоторые храмовые священные сосуды попали в Эфиопию, но о первых шагах можно судить с достаточным правдоподобием. Святылище древней иудейской религии знаменитый храм Соломона в Иерусалиме на холме Мориа был после первого разрушения восстановлен евреями в пятисотых годах до нашей эры. В шестидесятых годах нашей эры в Иудее, входившей в состав Римской империи, началось восстание.

Оно не имело ни малейших военных или политических шансов на успех, но, в силу ожесточеннейшего религиозного фанатизма восставших, потребовало для своего подавления заметных усилий империи. В семидесятом году, после почти шестимесячной осады, был взят Иерусалим. Он был разрушен тщательно, до основания в точном смысле этого слова. (Интересно заметить, что и сейчас в Палестине дома, принадлежащие "мятежникам", тоже разрушаются властями до основания, с той разницей, что дом и кирка заменены зарядами тола.) После взятия Иерусалима храмовые сокровища попали в Рим, если не все, то часть золотой храмовой утвари могла попасть в добычу вандалов во время их набега на Рим.

-15-

Юстиниан продолжает восстанавливать империю.

И по сравнению с предыдущими годами, и тем более по сравнению с дальнейшим годы правления Феодориха были для Италии эпохой процветания. Но Великий гот не оставил достойных наследников; впрочем, традиции управления и устойчивые формы государственности, способные обеспечить преемственность внутренней и внешней политики, подобно классу служилых землевладельцев старой Руси, создаются не искусственно, но исторической эволюцией. Готы не успели сложиться в ведущий класс, они пользовались его преимуществами, не понимая обязанностей. Среди готов еще существовало родовое деление, а право надплеменного руководства признавалось за родом Амалов. Политически зрелой Византии было легко и подкупом, облеченным в

подарки, и интригой увеличивать смуту и смятение в готских кругах после смерти Феодориха. Правящий род Амалов почти вымер; его былой ореол парадоксально определил способ убийства дочери Феодориха Амалазунты, задушенной горячим паром. Боязнь крови, вопиющей к Небу, не раз вызывала подобное лицемерие, подобный "технический прием".

Так, захватив Багдад, монголы, дабы не проливать кровь Магомета, зашили калифа ислама и нескольких других потомков пророка в кожаные мешки и забили дубинами. Иван Грозный иногда, как бы опомнившись, топил свои жертвы в мешках...

Смерть Амалазунты не только увеличила смуту в Италии. Приложивший к ней руку Юстиниан получил козырного туза пропаганды: были нарушены и божеские, и человеческие законы! Юстиниан понимал силу агитации и моральное преимущество обиженной стороны. На упрек персов в нарушении перемирия он блестяще ответил: "Не тот виновен в войне, кто первым послал войско. Настоящий нападающий тот, кто, тайно готовя войну, в ы н у ж д а е т упредить его".

Вторжение в Италию было тоже объявлено вынужденным, война обещала быть быстрой, успешной. После почти двадцатилетней борьбы Юстиниану досталась опустошенная, на четыре пятых обезлюдившая Италия. Средства разрушили цель, хребет Италии был сломан. Вскоре всеми обиженные, всеми битые лангобарды захватывают большую часть ее не своей силой, а немощью несчастного, но заманчивого полуострова. За лангобардами и с суши, и с моря ломятся другие. Византийцам суждено кое-как цепляться за отдельные куски побережья. Но переход солнца Италии на вторую половину дня обнаружился при императоре Октавиане Августе: вдруг заметили, что страна уже не в силах давать былые контингента для пополнения легионов молодой империи. С Юстинианом же на Италию опускается сумеречный период, названный впоследствии средневековьем.

А в Восточной Европе - утро. К концу первого тысячелетия Киевская Русь - самое культурное и сильное государство Европы. Монголы появились в годы перестройки, перераспределения русских сил между

югом и северо-востоком. На сто лет раньше или на сто лет позже военное состязание с ними разрешилось бы по-иному. Но и до монголов, и при них сельское хозяйство и ремесло находились в руках свободных производителей, тогда как в Западной Европе преобладало рабство под дырявым плащом феодального серважа и колоната. Для Руси не был типичен человек, чья личность была погашена принудительным трудом, и массовое народное ополчение, собранное Дмитрием Донским, невероятно ни в одной из современных Донскому европейских стран. Здесь одна из приметностей исторического характера Руси. Потому-то и подорвался у нас монгольский порыв, а Русь, вопреки двум с лишним векам монгольского ига, выжила и воссоздала себя.

-16-

Христианство и Русь.

В VI веке христианство, подавляя остатки древних религий, в Европе главенствовало. Надо помнить, что то была религиозная эпоха, людей неверующих, атеистов не было. Источники не дают и подобия ответа на вопрос, почему славяне, веками общавшиеся с Византией, оставались вне христианства? Работа автора над "Русью изначальной" убедила его, что как раз эта близость и была препятствием.

Русь могли и должны были отталкивать фанатизм вероисповедных споров, жестокости преследования инаковерующих; могли и должны были казаться бессмыслицей догматические, словесные тонкости, из-за которых совершались отвратительные насилия; расхождение между словами и делами могло вызвать и вызывало отвращение. Позднее Русь, доказав свое государственное и военное преимущество, взяла христианство не из грозных рук империи, но из рук просящих, убеждающих. И освоила свое христианство самобытно.

Тема обширнейшая. Ограничусь указанием на сохранявшуюся в России веротерпимость, на отсутствие демонизма со связанной с ним больной и зловещей эротикой, на отсутствие борьбы сект. Раскол старообрядчества, возникший в XVII веке и для нас мучительный, есть поистине ничтожнейшая мелочь перед западноевропейскими религиозными войнами, муками Реформации.

Все жертвы религиозных преследований за все тысячелетие русского православия - едва половина парижской Варфоломеевской ночи, одни сутки альбигойской войны, или один месяц драгоннад Людовика XIV. А все русские костры за тысячу лет - это три-четыре аутодафе Мадрида...